

Из работ, появившихся в конце 20-х и в 30-е годы, укажу хотя бы на исследования, выполненные под маркой так называемого «марристского литературоведения» (возможно, этот ярлык и мешает до сих пор оценить по заслугам большинство из них). Закономерно, что ученые, занимавшиеся анализом в пределах П2, вначале почти полностью сосредоточились на дешифровке «первообразов», сохраненных архаическим фольклором. Таковы статьи по гебраистике И. Г. Франк-Каменецкого⁸ и не утратившие актуальности в наши дни, но еще недостаточно широко введенные в литературоведческий оборот многочисленные исследования О. М. Фрейденберг, построенные на античном материале.⁹ Что касается собственно литературоведения, то оно в те годы, за редкими исключениями (относящимися преимущественно к научному творчеству Фрейденберг), не шло в своем стремлении выявить мифолого-обрядовые архетипы дальше средневековья.¹⁰

К концу этого периода уже вне организационной сферы марризма и независимо от нее по существу были написаны такие фундаментальные работы, как книги М. М. Бахтина¹¹ и В. Я. Проппа¹² (первая увидела свет лишь недавно), в которых можно усмотреть итоговые вершины в развитии и совершенствовании П2.¹³

Установление карнавального архетипа для романа Рабле и реконструкция того комплекса представлений, который связан с обрядом инициации и лежит в основе волшебной сказки, показали, что П2 важен не только сам по себе (архетипы «существенны в той мере, в которой они существуют, т. е. реально входят в общий баланс эстетической структуры»),¹⁴ но и главным образом потому, что позволяет объяснить, за счет чего искусство способно оставаться искусством вопреки своей — иногда кардинальной — изменчивости во времени. Разрешая этот парадокс, Фрейденберг, Бахтин и Пропп поставили отечественную науку о литературе перед лицом того неопровержимого факта, что изучение художественного процесса в рамках П2 — в высокой степени актуально и плодотворно, и сделали это, несмотря на все расхождения, ощутимые при сличении их индивидуальных методических приемов, несмотря даже на взаимную полемику (см., например, неоднократные критические замечания Проппа, адресованные Фрейденберг, и справедливое сетование Бахтина — при общей высокой оценке — по поводу излишней приверженности исследовательницы к теории пралогического мышления Леви-Брюля), а возможно, как раз вследствие этих различий, не повлиявших на близость добытых научных результатов. Эвристическую ценность П2 можно доказать не только ссылкой на положительные теоретические итоги подобного

⁸ См.: И. Г. Франк-Каменецкий: 1) Вода и огонь в библейской поэзии. — Яфетический сборник, вып. III, Л., 1924; 2) Отголоски представлений о матери-земле в библейской поэзии. — В сб.: Язык и литература, вып. VIII, Л., 1932; 3) К вопросу о развитии поэтической метафоры. — В сб.: Советское языкознание, т. I, Л., 1935; 4) К космической семантике «камня» и «металла». — В сб.: Академику Н. Я. Марру, Л., 1935, и др.

⁹ См. в первую очередь: О. М. Фрейденберг. Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. Л., 1936.

¹⁰ См., например, сб. «Тристан и Исольда» под ред. Н. Я. Марра (Л., 1932).

¹¹ М. М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

¹² В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.

¹³ Отмечу также книгу В. П. Адриановой-Перетц «Очерки поэтического стиля древней Руси» (М.—Л., 1947), открывающую большие возможности для изучения дальнейшей трансформации тех ядерных метафор, которые исследовательница обнаруживает в древнерусской книжности.

¹⁴ С. Аверинцев. Аналитическая психология К.-Г. Юнга..., стр. 143.